

ЧЕРНОГОСТИЦА¹

ИЮЛЬ СОРОК ПЕРВОГО

В те тревожные, беспокойные дни, когда на Полесье, где жил с семьей Сергей Калиниченко, на Беларусь и всю Страну Советов обрушилась война, в Мотоле, пожалуй, не было человека, который бы воспринял беду так близко к сердцу, как он, кадровый военный. Война грозила большой стране, которую он считал своей — просто родной, все равно как мать, и гордился ею: в жизни она дала ему, бывшему беспризорнику, все для ощущения человеческого достоинства, величия духа, географического и жизненного пространства. Он был готов простить ей даже обиду, нанесенную ему исключением из партии, увольнением в запас. Сказать по правде, эта обида сейчас притупилась. Надвигалось иное: все-все, чем Сергей жил, начало рушиться, мельчать, уступая место тлену. Обеспокоенный, он искал опору, чтобы сохранить в душе хоть немного того, чем владел раньше, и постепенно овладевал собой. Как никогда, появлялось ощущение своего единства с народом — большущим народом — и чувство ответственности, беззаветная преданность Родине в трудную минуту. Вот только бы найти путь на восток да выскользнуть из плена обстоятельств.

Первая попытка прорваться на ту сторону не увенчалась успехом, и он решил попытаться счастья ещё раз.

В Пинске, куда, остерегаясь немцев, вскоре добрался, ему повезло: город пока не был занят врагами. В те дни бронированные фашистские корпуса и дивизии, увлекшись линейным маршем на Барановичи — Минск — Москву, не торопились прибрать к своим рукам железную дорогу, что накатанной колесей прошивает зеленые полесские просторы от Бреста до Гомеля и уходит дальше в Россию. Многие станции, правда, эпизодически бомбили, эшелоны с грузами и людьми нередко попадали под уничтожающий огонь. Но железнодорожные войска наспех ремонтировали полотно, и поезда снова, споро и важно грохоча по рельсам, шли на восток. Ночью они двигались с прикрытыми сверху фонарями,

¹ Страницы из трилогии Василя Яковенко «Надлом. Кручина вековая».

с затенёнными окнами в пассажирских вагонах и всякими другими предосторожностями. Капитан Калиниченко, возбужденный своим путешествием, был близок к торжеству удачи, хотя и похудел, начали заостряться скулы.

В Гомеле он коротал время не много. Нашел военного коменданта вокзала, представился. Тот указал ему на штаб обороны, который располагался в здании райкома, дескать, там его прикомандируют к ближайшей стрелковой части, но капитан заартачился: все-таки он специалист, танкист как-никак. Он намерен искать «своих»... Коменданту от этих словопрений, которые он считал в данный момент неуместными, дурно стало: какой фрукт! Оборона рвется, а ему подавай бронированную машину! Только гнев его так же внезапно и исчез — словно провалился в свежую воронку от разрыва бомбы. Отпустил, сказав: «Иди, танкист-неудача, я тебя не видел!..»

Как раз подвернулся поезд, который шел на Унечу, и он нашел себе место на крыше вагона. В мыслях вертелось: почему комендант сказал ему «танкист-неудача»?.. Наверное, потому, что без танка он просто солдат.

Упругие волны ветра били в лицо, качало, убаюкивало, слипались глаза от усталости, но нельзя было заснуть — мог скатиться вниз, и тогда костей не собрал бы.

Вспоминалось прощание с женой и сыном. Он сам не свой — как будто припыленный мешком — подошел к жене, а нужные слова не находились, слова путались в горле прежде, чем быть произнесенными. Он волновался.

— Сережа! — воскликнула вконец обеспокоенная жена. — Да ты небось в поход снова!

— Симочка, вместе мы с тобой не один пуд соли съели и счастливы были, жалели друг друга. — Он обнял ее, прижал к груди.

— А как же мы? Без тебя нам здесь чужбина-чуженица. — Большие карие глаза жены налились слезами.

— А мне... Быть с тобой лучше, только я солдат, и теперь мое место на фронте.

— Сережка, я умру, если ты не вернешься, милый. — Она заплакала.

— Вопрос, удастся ли мне вырваться отсюда... Вернусь, если буду жив.

— Нет... как же так?!

— Сима, постарайся сына досмотреть.

— Сере-о-жа-а...

— Не плачь, мне и так муторно. Без вас мне — что армии без тыла.

— Сережа, почему ты такой?.. Ну да ладно уж, — вздохнула, покрившись судьбе. — Я положу тебе сала в дорогу и ещё кое-что. Пусти...

Сима вмиг собрала съестные припасы. Вместе упаковали их в чемодан. Прощаясь, долго и любовно смотрела ему в глаза, тихим голосом, дрожащим, обессиленным, промолвила:

— Береги тебя Бог!

Он ушел, чувствуя на лице и губах соленые слезы жены.

И потом, когда шел, где-то вдали от местечка приглушенно прогремело — не иначе эхо с фронта дошло в глухомань. А вокруг было тихо: сияло, рассыпая ослепительные лучи, солнце, и недалеко от пашни, в бурьяне, стрекотали кузнечики, сбоку вдоль дороги нависали развесистые липы. Было время цветения этих пахучих деревьев. От них доносилось дружное жужжание пчел. Стоял ровный, мирный, одержимый гул! А вот его несет неведомо куда. Он мечтает прорваться через линию фронта к своим... Сергей не успел грустно вздохнуть, как издали послышалось:

— В дорогу, шановный?¹

— А-а, это вы?.. Приветствую вас! — капитан поднял руку в приветствии.

— Далеко ли?

— Не знаю, дядька Петро...

Приминая зеленую, в ромашках, траву, они медленно сошлись.

— Иду, как видите... Долг солдата кличет.

— Знаешь, брат... Долг — надежный компас, но и он может завести в тупик, особенно сейчас, когда хрен от редьки не отличишь. Вот я, например, согласно долгу перед коммунией, теперь должен быть в далекой Сибири. Но только провожу время здесь, — и Петр кивнул головой на пасеку.

Сергея эти слова кольнули в самое сердце, словно его в чем-то постыдном упрекнули.

— Простите меня... Вы хозяин отменный... Вот только при мотольской исполнительной власти я был отставной козы барабанщик — не обо всем даже знал. Как и вы, я считаю: намерение сослать вас в даль непроглядную — это досадное недоразумение и издевательство над достойной семьей, но что ж... Осталось сказать: прощайте!..

¹ Уважаемый, почтенный (бел.).

— Подожди, человече! Люди тебя уважали. А ты, судя по чемодану, действительно далеко собрался. Я отчекрыжу тебе немного меда, вот этого, в сотах. Как раз здесь и глянецка для такого случая. — Пасечник достал из светлой коробки плотную лощеную бумагу и завернул в неё сизовато-янтарный пчелиный каравай. — Иди, братец, с Богом!

Калиниченко, растроганный, поблагодарил пчеловода. Пожалуй, с той минуты аромат липового цвета и меда будет ассоциироваться у него с ароматом родной земли. По крайней мере, напоминать о благо-склонной и теплой встрече и прощании со своим земляком.

Ещё более часа тревожного ожидания и сверхчеловеческого нервного напряжения на крыше вагона, пока побежали, разветвляясь вправо и влево, станционные пути. Вот и остановка...

На станции Унеча, куда устремлялись с разных сторон нити железной дороги, преобладали военные, но попадались и беженцы с узлами. Для многих здесь была передислокация из одной точки в другую. Военные сновали группами. Наконец, с крыши своего вагона Калиниченко увидел небольшую группу танкистов — узнал их по комбинезонам. Судя по всему, они устраивали себе привал возле невысокого станционного здания, покошенного, в зарослях акации, которая уже отцвела. Танкисты раздобыли ведро кипятка и сейчас, обмениваясь дружескими подначками и шутками, распаковывали вещмешки, вынимали консервы, пакеты горохового супа, сухари, сахар. У одного из бойцов, наверное, старшего, на голове была белая повязка, другой держал перевязанную бинтом руку.

Калиниченко слетел с вагона и бросился под акации, чтобы познакомиться с бывалыми.

— Товарищи танкисты...

Несмотря на учтивость, боец с повязкой на голове проверил документы у субъекта с помятым лицом, что навязывался им в друзья, и тут же, возвративши их, нашел котелок, куда ему налили чаю; капитан почувствовал крепкую радость от того, что попал в близкое ему окружение. О своём участии в первых боях танкисты рассказывали неохотно — тяжелыми были воспоминания от потерь, понесенных их подразделением. Как вскоре узнал Калиниченко, они принадлежали к механизированному корпусу, сформированному раньше в Забайкалье. Примерно за неделю до начала войны этот корпус получил приказ передислоцироваться к западной границе страны — в Киевский особый

округ, в котором постепенно наращивали наступательный потенциал. Последнее сообщение у капитана Калиниченко определенным образом перекликалось с передислокацией корпуса, в котором, собственно, служил он, к румынской границе... И поэтому в прошедших сквозь фронтовой огонь танкистах ему виделась судьба и его бывших однополчан, боевых товарищей.

Весть о войне застала 5-й мехкорпус в дороге, и неожиданно в штаб корпуса поступил новый приказ, который отменял первый. Теперь забайкальскому мехкорпусу ставилась задача повернуть свои дивизии и другие подразделения,двигающиеся более чем на ста военных составах, на просторы смоленской земли, разгрузить их на станции Рудня и подвести к границам с Беларусью. Но к тому времени часть подразделений корпуса оказалась уже за Киевом. На железнодорожных перегонах Бердичев — Шепетовка — Изяслав подразделения остановились. О том, чтобы повернуть сразу назад, не могло быть и речи. Им срочно пришлось разворачиваться в боевые порядки, вступая в неравный бой, и испытать горечь от неожиданных и шквалистых вражеских атак. Потом из-под Острога уцелевшим бойцам приказано было вернуться к своим товарищам по оружию: корпус дислоцировался теперь на плацдарме, который с севера прилегал к городу Орше.

Осунувшиеся, свежей памятью все ещё возвращавшиеся к картинам, которые им пришлось пережить, а между тем и с искринками жизни в глазах, они были похожи на братьев.

— Мне тяжело было осознавать, что остался сразу за спиной у врага, — счел нужным заметить Сергей, вынимая из своего чемоданчика брусок сала, который залоснился на солнце. — Угощайтесь...

— Ай, капитан, жалеть тебе не о чем, — произнес боец с перевязанной головой — старшина Иван Кривель. — Ведь войска оказались в такой молотилке, что не дай бог видеть это ещё раз.

Загудели, пронзая окрестности, сирены на станционном здании. Все бросились из солнцепека в траншеи, неизвестно кем проложенные, и в другие затемненные уголки станции. Заговорили на своём языке зенитки.

— Едем, товарищ капитан, с нами, — предложил ему Иван, когда они, отсидев немного в траншее, вылезли. — Горячего дела у нас на каждого хватит. А наш комкор воевал на Халхин-Голе, тертый мужик, так что поддать фашистам в холку сможем, а умирать...

— А коль помирать, — подхватил кто-то из бойцов, — устроим прежде звон на всю Россию!

— Спасибо за предложение, только сначала я пойду и представлюсь коменданту станции, чтобы не приняли меня за шпиона, — ответил капитан, вспоминая, как назойливо звенело в ушах, когда он ночью прижимался к крыше вагона. Нервное напряжение сменилось, однако, радостью, когда на глаза попала вот эта горстка танкистов.

Договорились...

До Орши ехали не сказать чтобы с комфортом — большинство бойцов ютилось в тамбурах товарного состава. А в Орше комендант вокзала направил их в северном направлении от города, где за несколько верст, в лесах и перелесках, сосредотачивался 5-й механизированный корпус.

Появление уцелевшей группы бойцов, которые участвовали в застреле врагу на киевском направлении, вызвало оживление — прежде всего в штабе корпуса. Им были рады, расспрашивали о первых боях, а начальник штаба полковник Бутков по этому поводу собрал срочное совещание.

Капитану Калиниченко дали два часа на отдых перед аудиенцией у комкора Ильи Алексеенко.

Смеркалось. Несмотря на затухающий ритм жизни, обеспокоенно шелестела зеленая листва на деревьях. Из-за сизовато-синих громадных облаков донеслись раскаты грома. Начинаясь гроза.

«Жаль!» — думал или ощущал сожаление в душе каждый, кто догадывался, что не сегодня-завтра корпус оставит исходные позиции и двинется на вражеские заставы и укрепления. Дороги раскиснут...

Только Сергея Калиниченко это обстоятельство пока не волновало — ждал встречи с комкором, генерал-майором танковых войск Алексеенко.

Хорошо сложенный, как и большинство военных, неширокий в плечах, но крепкий, Илья Прокофьевич Алексеенко ждал Калиниченко в армейском автобусе. Китель его был застегнут на все пуговицы, на черных петлицах вместе с эмблемой танкиста — по две крупные звезды. Сухощав, строгое лицо, сосредоточенный взгляд.

— Товарищ генерал, по вашему приказанию капитан Калиниченко...

— Вольно, капитан. Проходите... Хотя автобус — не дворец, но и не нора барсука. Вы немного отдохнули?

— Да, отдохнул, товарищ комкор.

— Вообще, вы осознаете, в какую армию попали?

— Отчасти... Бойцы мне по дороге рассказывали.

— Откуда вы родом и где вас застала война?

— Я из Мотоля, есть такое местечко на Полесье, под Пинском. Там моя семья: жена, сын. Там и застигла война. Позвольте, товарищ комкор, остаться воевать в вашем механизированном корпусе.

— А так оно, наверное, и будет. Ваши документы мы проверили, они в порядке.

— Не все в порядке, товарищ комкор. Политотдел будет иметь ко мне вопросы.

— А почему, собственно?..

— Стыдно признаться. Когда служил в своём танковом корпусе в предгорьях Кавказа, был исключен из партии.

— И за что, сударь, вас исключили?

— За самодеятельность. А если точнее — за сбор подписей в поддержку репрессированного комбрига Бабурина.

Генерал внимательно посмотрел на капитана Калиниченко, глаза его потемнели.

— А знаете, товарищ капитан, я попотчую вас с дороги чайком. Надеюсь, вы не против?

— Спасибо, не откажусь.

Они перешли к отдельному столику, и генерал открыл толстую крышку термоса, налил чаю в кружки.

— Простите, если можно, я сбегая... В моем чемодане осталась ещё грудка сотового меда. Принести к чаю?..

— Не стоит, капитан. Мед оставьте на удачу в этой операции. Кстати, я знал вашего комбрига Бабурина.

— Что вы говорите!

Откуда-то из-за леса, из-за туч снова посыпались молнии, и под ужащающий гул по-новому встряхнуло землю.

— Жаль, — переключился на погоду комкор. — Гроза не ко времени и не к месту: нам наступать на заре. Представляете, как поползем в ненастье?.. А вам, капитан, я посоветую: забудьте о своём исключении из партии. И с политотделом, и с кем надо вообще я дело улажу. Сейчас война, и мы все штыки одной страны. Вы согласны?

— Да... Служу трудовому народу! — негромко и, тем не менее, возвышенно, пафосно воскликнул капитан Калиниченко. — Спасибо за доверие, товарищ генерал!

— Теперь я хочу вас познакомить с оперативной обстановкой. Но сначала скажите: владеете ли вы средствами связи?

— Да, владею и имею определенную практику.

— Хорошо... Дело в том, что наши батальоны управления и связи ещё из-под Киева не вернулись. Ждем...

— Я понимаю, товарищ комкор.

— А теперь прошу вас к карте...

В нескольких словах генерал Алексеенко обрисовал фронтовую ситуацию, из чего следовало, что войска двух танковых групп противника — Гота и Гудериана — поломали наспех выстроенную защиту Красной Армии на минском направлении и рвутся через Лепель к Витебску и Полоцку, через Бобруйск и Березино — к Могилеву.

— В стратегическую задачу противника входит прорвать наш только что сформированный Западный фронт. Противник намерен смять наши войска слева и справа от основного своего удара на Оршу — Смоленск. В его планах взять в клещи наши армии и другие воинские соединения. Линия Западного фронта на нашем участке проходит за сорок-пятьдесят километров от Витебска и устремляется через деревни Черногостица, Дуброва на юг — вдоль каскада озер — я показываю — к Ходцам, изгибается на восток... Врага теперь более или менее успешно сдерживают на территории от Полоцка до Витебска и отсюда к Орше около десятка стрелковых дивизий, но вражеские танковые и механизированные соединения при поддержке с воздуха действуют с невероятной силой — с напором, который можно сравнить с бурным паводком. Командующий Западным фронтом маршал Советского Союза Тимошенко при поддержке Ставки Главного командования в этой драматической ситуации решил нанести по лепельской группировке врага контрудар силами двух свежих механизированных корпусов — 5-го и 7-го; последним командует генерал-майор Виноградов.

— Цель похода, — объяснял дальше комкор Алексеенко, — ударить во фланг 47-му танковому корпусу генерала Лемельзена, смять его, сбить наступательный порыв.

Капитан — весь внимание, слушал, запоминал. Вместе с тем не проходило и волнение — подумать только: сам комкор знакомит его с планом боев, которые вот-вот начнутся.

— Честно говоря, задача перед нами — в дурном сне не приснится. Разве не так, товарищ капитан? — комкор, бодрясь, улыбнулся.

— Так точно! Я рад грандиозному замыслу.

— За себя нам не будет стыдно, надеюсь, ни перед предками, ни перед потомками.

— Вы правы. Никак нет!

Но было предвкушение тяжелых боев, и комкор тут же вздохнул:

— Жаль, наш воздушный флот практически уничтожен, и у нас пока нет крыльев. Нет прикрытия сверху, поэтому, кстати, при передислокации сюда нас жестоко бомбили. Повредили радиоузел, и не только его. Корпус на битву спешил, так... Но полевое управление 20-й армии только что прибыло в район Орши. Не успели подвезти топливо, поэтому половина наших танков стоит незаправленными. Соседний корпус Виноградова двинет также на Лепель — из-под Лиозно на Черногостицу и Сенно. Выступаем параллельно, и цель у нас одна: сбить спесь с очумевшего от удач врага.

— 7-й корпус, — продолжал он, — имел больше времени на подготовку. Кстати, он лучше укомплектован. Он у нас столичный, под Москвой стоял. Не зря же там и Яков Джугашвили служит.

— Кто?

— Сын Иосифа Виссарионовича...

— Вот это новость!

— Однако времени, товарищ капитан, в обрез, — предупредил Алексеенко. — Вы останетесь при штабе офицером связи. Подробнее задачи перед вами поставит начальник штаба полковник Бутков. Вы найдете его в другом автобусе, он вас ждёт.

* * *

В пять часов утра, когда было ещё темно и сыро, вверх поднялась ракета, и окрестности деревень Смоляны и Вязьмичи, Ивановск и Оленовичи, Ромашково и Русский Селец да Погост сразу озвучились. Заворковали, создавая натужный гул, сотни танковых и других моторов. Дивизии 5-го корпуса двинулись двумя колоннами: 13-я дивизия — по шоссе Орша — Лепель, а 17-я — прижимаясь к железнодорожному полотну

Орша — Лепель. Наступление планировалось в полосе от восьми до пятнадцати километров.

Сергею Калиниченко кое-как удалось под утро оживить поврежденный узел связи, и в руки оператора-радиста Каткова посыпалась информация из воинских соединений.

6 июля под конец дня дивизиям, увязавшим в раскисшей земле, все-таки удалось продвинуться на четырнадцать–шестнадцать километров. Быстрее шла 17-я танковая, которой командовал полковник Иван Корчагин. На ее пути было меньше вражеских укреплений.

А 13-я танковая полковника Фёдора Грачёва в жестоких боях ломала вражескую оборону в Обольцах.

Небо было серым, лил сильный дождь. И те, кто за первые недели войны уже не раз побывал под вражескими бомбардировками, имели основание думать: пусть почву и расквасило — не напрасно, быть может, небо специально послало ливень, чтобы немецким боевым самолётам не дать возможности подняться в воздух и царствовать над полем боя, наводя ужас на бойцов.

Как показали доставленные разведчиками «языки», напротив 5-го мехкорпуса стояла 12-я танковая дивизия генерал-майора Гарпе (корпус Лемельзена из танковой группы Гудериана). А 39-й корпус генерала Шмидта, с аналогичной группой Гота, уже прошел под Витебск и действовал против 7-го механизированного корпуса Виноградова. 7-й корпус, а точнее его 18-я танковая дивизия, которой командовал генерал Фёдор Ремизов, вела ожесточенные бои под Сенно против 17-й танковой дивизии Ритена фон Вебера (корпус Шмидта) и десантного полка, который 5 июля высадился северо-восточнее Сенно.

Капитан Сергей Калиниченко внимательно следил за боевой информацией, которая проходила через его руки, и отмечал на карте, что менялось в движении воинских соединений.

Согласно свежим данным разведки, советские войска в контрударе на Лепель превосходили вражеские силы в людях в два раза, по артиллерии — в три, по танкам — в три–четыре раза. Не хватало только авиации. Начштаба Бутков доложил эти цифры комкору Алексеенко, и тот отдал приказ продолжать наступление.

А тут небо снова дало фору вражеской авиации, и это меняло картину, меняло расклад сил, ставя корпус перед тяжелыми испытаниями. В штабе корпуса, а он теперь размещался возле села Рясно,

распорядились, чтобы капитан Калиниченко чаще маневрировал с радиостанцией, так как немцы пеленговали источник связи, по волнам определяли ориентиры и в любом случае старались бомбить.

8 июля немцы оказали особенно ожесточенное сопротивление 13-й танковой дивизии на рубеже Грязино — Толпино. Танкисты провели пять атак, но успеха не имели — противник сумел укрепиться, и вражеская авиация безнаказанно нависала над полем боя; танкистов до войны учили при бомбежке оставлять танки, а теперь опыт подсказывал другое: бойцы не бросали танки, а скорее рвались вперед, так как с самолета попасть в танк, который движется, редкая удача... Тем не менее потери 13-й дивизии были тяжелыми: где-то семьдесят девять танков за день.

Ситуация осложнялась. 17-й мотострелковый полк дивизии, находясь на острие удара под Старосельем, окружил и уничтожил более батальона вражеской пехоты, но вскоре и сам был окружен на шоссе вблизи деревни Вятера.

А в конце дня танковая дивизия Ритена фон Вебера обрушилась с севера, из района Сенно, на фланг 17-й танковой полковника Корчагина (на этом военном плацдарме номера некоторых красноармейских подразделений совпадали), причем операцию прикрывала авиация. Оборону держали 34-й и частично 33-й танковые полки. Неожиданное появление здесь Вебера красноречиво свидетельствовало о том, что правый фланг 5-го корпуса был обнажен. Почему?..

Встревоженный комкор Алексеенко поспешил на узел связи штаба.

— Капитан Калиниченко, есть ли что от Виноградова?

— От Виноградова, товарищ комкор, сообщений нет.

— Дело плохо. Выполнение задачи заваливается со стороны 7-го корпуса. Там графу Веберу развязали руки. Недобрый знак! — И после паузы: — Капитан Калиниченко, с этого момента я ставлю перед вами задачу прояснить ситуацию. Вы поедете делегатом связи в штаб 7-го корпуса.

— Готов выполнить любой ваш приказ, товарищ комкор! Только, правда, мечтал о своём участии в боевых операциях.

— А этого, пожалуй, никто из нас не обойдет!

Когда капитан покинул узел связи и пошел вслед за командиром, генерал остановился под зеленым развесистым дубом. Остановился и Калиниченко.

— По последним данным нашего штаба, комкор Виноградов сгруппировал свои основные силы в горловине между озерами и Западной Двиной, прямо возле реки Черногостицы. Он решил начать сражение с преодоления водного рубежа под огнем противника. А это не самое лучшее из того, что обещало удачу 7-му корпусу. Неизвестно, преодолел ли Виноградов Черногостицу?.. Дешешу возьмете у начштаба Буткова, материальное обеспечение — за ним же.

По внешнему виду, по реакции на фронтовую ситуацию командира корпуса Алексеенко, капитан Калиниченко почувствовал неладное, впрочем, по поводу своего анализа радиоинформации и ее отсутствия со стороны Виноградова он тревожился ещё и раньше, а теперь предчувствие неудачи усилилось.

— И пошёл же его чёрт на рожон! — Алексеенко выругался и уже другим тоном, пожимая на прощание руку делегату связи, сказал: — Ну, с Богом, товарищ капитан! Жду вестей.

Вот это, как и все дальнейшее, Калиниченко казалось странным — как будто происходило не на самом деле, а в тяжелом сне. Пускай бы это обернулось приключенческим фильмом, неизвестно кем и когда снятым с его участием. Обстоятельства поминутно менялись, нельзя было избавиться от гнетущей тревоги и страха за жизнь — свою и своих товарищей, за дальнейшую судьбу Западного фронта и всего Отечества. Неуклонно надвигалась вражеская стальная армада, губительная, чтобы не сказать — похоронная. Только надвигалась она и на его душу, которую, чувствовал он, невозможно убить.

Из-под села Рясно выехали на колесном броневике БА-10. Такие машины начали поступать на вооружение Красной Армии года за два до войны. Оснащались они не только пулеметами, но и пушкой калибра 45 мм.

В штабе корпуса живо подобрали экипаж. На место башенного стрелка сел знакомый Калиниченко по Унече старшина Иван Кривель, у которого из-под шлема по-прежнему выглядывала марлевая повязка, на место стрелка-радиста — ефрейтор Андрей Симаков, боец из взвода связи, а тесноватый уголок за рулем обживал солдат Богдан Гаркуша. Вместо карты для ориентировки на местности капитану Калиниченко дали схему, выполненную на кальке из трофейной карты. Своих нужных карт не было, поскольку советский генералитет собирался не обороняться, а наступать — на Румынию, Германию и немного дальше.

Были слышны непрерывные раскаты от разрывов бомб и снарядов. Бесконечно нависающий гул вражеской авиации угнетал душу. Чтобы миновать боевые порядки своих и вражеских полков — а они вели бои уже за семь–восемь километров на северо-запад от позиций штаба, — Калиниченко направил броневик по проселкам на Воронино — Некраши — Каковчин, там где-то начинался улучшенный путь из Янова на Богушевск. При подъезде к Некрашам за движущимся броневиком начал охотиться «мессершмитт». Чтобы отвести бомбовоз от деревни, капитан дал команду водителю Гаркуше развернуться и устремиться в лес. Только тогда гремучий крылан отцепился.

В более сложный переплет попали они за местечком Янов. Когда проезжали опустевшими яновскими улицами, Калиниченко вспомнил и сообщил товарищам, что его райцентр в Брестской области также называется Янов, там, на их земле, кстати, до сих пор не перевелись хорошие хозяева... Однако продолжать воспоминания Калиниченко не пришлось. За местечком послышался гул канонады. Проехали ещё немного и после Заборовья остановились, вышли из броневика, прислушались. Повторилось то же самое, что и под Рясно, как и там, в боях участвовала вражеская авиация... Капитан не ожидал, что дивизия Вебера в этот день прорвется аж под Богушевск.

— Выходит, битая у нас карта, командир, — свел к шутке замечание старшина Кривель. — Толкут нас как под Киевом, так и здесь. Я ведь тоже белорус, кстати, пуховичский, и понимаю, что на этих рубежах заканчивается карта Беларуси. Как не хочется отступить... — и продолжал, иронизируя: — Э-эх, мать моя горько плакала! А говорили же, мы шапками врага закидаем. Дудки! Мы проспали, братцы, не силу, а ум! Теперь везде гремит, и нам, бойцам, нужно быть особенно бдительными. Думать не о своих шапках, а как снять больше шапок с головами разом у врага.

Капитан, улыбаясь, сказал:

— Ты правильно ставишь задачу, старшина!

— Рад стараться! — живо откликнулся Кривель, у которого к настроению подходила и шутка.

— Россия ещё себя покажет! — стараясь быть спокойным, вставил свое слово ефрейтор Симаков, который до войны и срочной службы в армии работал в школе физруком. — Россию не раздавят.

— В машину! — прервал беседу капитан. — Поехали...

В селе Посад увидели у ворот одного дома старика с палочкой и мальчика, который быстро шмыгнул во двор. Старик не спрятался при подъезде невиданной ранее машины. Калиниченко, не выходя из броневика, а только открыв боковые дверцы, поздоровался с немало удивленным по такому случаю селянином...

На расспросы он ответил:

— Знаете, шановные, не прошло и четверти часа, как со стороны Буды на дорогу выползла колонна мотоциклистов и помчалась на Богушевск... Если бы немного раньше, вы бы напоролись на неё. А ещё раньше, — вспомнил старик, — в ту же сторону прошло несколько немецких танков. Видимо, это часть их армии, так как днем сильно гремело слева от шоссе. Слышите, и сейчас не утихает...

Калиниченко поблагодарил старика за информацию и, когда отъехали, обратился к экипажу:

— Ваши думки, братва: что делать будем? Подал голос старшина:

— Товарищ командир, наш броневик — не слизняк какой-нибудь, чтобы сползть с дороги.

— Что думает боец Симаков?

— Товарищ капитан, нам поздновато возвращаться. За нашей спиной также могут быть немцы.

— Механик?..

— Я согласен выполнить любой приказ, командир.

— Ну что ж, риск — дело святое! А ещё говорят: Бог не выдаст, свинья не съест, — сказал Калиниченко и приказал Симакову: — Товарищ радист, передайте в Рясно... Я диктую:

«Рясно», я — «Калина»... Мы в деревне Посад под Богушевском. Слева от нас идут бои. Полагаем, это дивизии Вебера воюют с Ремизовым. Перед нами — всего за 3–5 километров — рота мотоциклистов противника и несколько танков... Богушевск наш. Позвольте пойти на прорыв для выполнения поставленной перед нами задачи.

Ответ был получен почти сразу же:

«Калина, Калина», я — «Рясно». Понял вас. Даём разрешение на прорыв и желаем удачи!

Калиниченко отдал команду экипажу подготовиться к бою.

Механик вел броневик ровно, держа его посередине дороги, которая местами была разбита. Приказ командира уже не допускал никакого выбора, а лишь заставлял ту же натягиваться нервную систему, а сердце

леденеть от приближения опасности. Броневик ускорил ход, чтобы как можно быстрее настичь колонну мотоциклистов.

Дорога извивалась. По обе стороны от неё простиралось ржаное поле, чистое, светло-желтое в лучах солнца, уже клонившегося к западу. И вдруг на ниве открылся пробел. Поодаль на темно-зеленом сочном массиве, очевидно, нескошенного клевера, были видны фигуры людей.

Первым их заметил башенный стрелок и доложил:

— Справа — подразделение мотоциклистов!

— Вижу, — ответил капитан.

Дальше, примерно на полкилометра, стояли вражеские танки, обращенные пушками на Богушевск. По логике вещей они ждали прорыва своих войск на основном направлении — дорога Мосейков — Голощёкино — Богушевск, чтобы в подходящий момент двинуться отсюда и расширить прорыв.

— Боец Гаркуша, — обратился капитан Калиниченко к механику, — полный ход! Пока не выйдем на расстояние сто пятьдесят — двести метров... По команде «стоп» останавливаешься всего лишь на минуту. — И приказал: — По команде «стоп» стрелкам открыть шквальный огонь из пулеметов!

Им удалось приблизиться. И не успели мотоциклисты разглядеть машину, как оттуда по ним ударили два пулемета и пушка. И заматались солдаты в мышинных мундирах, точно в огненном вихре, падая и зарываясь лицом в нескошенную траву.

Броневик тем временем мчался к танкам, оттуда его заметили. По команде Калиниченко старшина Кривель ловил танки в оптический прицел и время от времени бил по ним из пушки, сея там смятение и тревогу. Снаряды вначале разрывались поодаль, но вот один из танков, разворачиваясь, подставил свой борт, и тотчас из него повалил дым. Ещё в одном удалось перебить гусеницу, и он стал крутиться на месте. Остальные панически ловили в прицел красноармейский броневик, который уже выскочил перед заставой. Рвались снаряды, и кто знает, чем закончился бы этот бой, если бы не зеленая роща, в которой скрывались до поры до времени немецкие танки. Броневик пролетел ещё немного, завернул в эту рощу, проскочил ее и, не медля, выбросил вверх свой опознавательный вымпел. Отсюда до Богушевска теперь хоть бок катись. Главное, чтобы перед городом не вскочить в какой-нибудь противотанковый ров.

Вскоре показался и Богушевск. Он лежал в развалинах от неприятельских бомбовых ударов.

Задерживаться на заставах не приходилось. Проверка документов. Пожелание удачи.

За Богушевском дорога поворачивала налево, на северо-запад, к реке Черногостице, но продвижение обошлось уже без особых приключений.

* * *

Ни комкор 5-го корпуса Алексеенко, ни тем более капитан Калининченко, когда его броневик, уходя от немецких бомбардировщиков, мчался туда, где его, почитай, не ждали, никто не догадывался о характере событий, развернувшихся близ плацдарма, на который стремился выйти 7-й механизированный корпус. Впрочем, каждый из них в той или иной мере мог догадываться об исходе боев.

Чтобы нанести контрудар на Лепель, 7-й механизированный корпус подтянул и привел в порядок свои подразделения на линии Черногостица — Сенно. Перед тем как продвинуться вперед, корпусу удалось силами мотоциклетного полка и двух разведбатальонов *«провести разведку во всей полосе предстоящих действий, чтобы иметь довольно подробную информацию»* — так станут объяснять военные историки через 50 лет после битвы ход событий на сенненских рубежах. Напрасно.

Военные историки, ставя, очевидно, комкора Виноградова в пример при оперативном решении задач, напишут (в расчете на слушателей Военной академии бронетанковых войск¹), мол, он *«сумел в короткие сроки (до двух часов) выработать вполне обоснованное решение на бой. Работая с весьма ограниченным кругом лиц штаба и управления соединения, Виноградов решил: нанести удар силами двух танковых дивизий в общем направлении Новоселки, Долгое, местечко Камень, с ходу форсировать реку Черногостица...»*

Так пусть бы и форсировал...

Но, как и тогда, в коротких передышках между боями, так и потом, спустя десятилетия, военные будут задаваться вопросом: что же случилось на Черногостице и понимал ли генерал Виноградов что-либо в вопросах военной тактики и стратегии?..

¹ Антонов Л. Н. Решение проблемы отражения вторжения противника в начальном периоде войны по опыту 20-й армии на лепельском направлении. М.: Изд-во Минобороны РФ, 1993.

По версии, которая не отрицает того, что Василий Иванович был строгим, честным и преданным делу военным — а он требовал от каждого пунктуального исполнения устава, — командир корпуса Виноградов вызывал неудовлетворение окружающих своей самонадеянностью и апломбом. Кроме личных черт характера и свойств натуры тому послужила, наверное, и поддержка его карьеры неизвестно кем в то время, когда опытных командиров ликвидировали. А ещё повлияло, возможно, и то сугубо коммунистическое воспитание, когда каждому вдалбливали в голову, что большевики способны на все, стоит только пожелать и поставить задачу. Даже без учета обстоятельств... Генерал-майор Василий Виноградов в данной фронтовой ситуации под Сенно оказался, пожалуй, самой драматичной фигурой.

Из журнала боевых действий 14-й танковой дивизии полковника Ивана Васильева:

Командир отдельного разведбатальона капитан Беляков

5 июля провел боевую разведку и установил, что по западному берегу реки Черногостица противник подготовил противотанковый район. Русло реки не имеет предварительно подготовленных проходов, танконедоступно, берега крутые и минированные, дно болотистое. Через каждые сто метров на том берегу в землю врыты противотанковые орудия.

...Всю ночь с 5-го на 6-е шла разведка переправ экипажами и саперами 27-го танкового полка.

Утром 6 июля по приказу комдива Васильева командир

27-го ТП майор Романовский провел боевую разведку противника группой тяжелых и легких танков совместно с пехотой, саперами и артиллерией. В атаке участвовало: КВ-12 машин, БТ-2 машины. Из-под Островно их поддерживал 14-й гаубичноартиллерийский полк с участием батареи Я. Джугашвили.

Противник организованным артиллерийским и противотанковым огнем к реке не подпустил. Помимо бойцов, в этой разведке погиб Герой Советского Союза (по финской войне) капитан Георгий Харборкин.

И вот тут, вопреки представлениям военных историков, которые будут изучать черногостицкую сечь, устроенную здесь немцами, но только уже для «русских», комкор Виноградов засомневался как раз

в принятии «вполне обоснованного решения». Оснований, чтобы не лезть напролом, было предостаточно. Интуиция, пожалуй, подсказывала Виноградову, что враг только и ждет битвы с ним на рубеже Черногостицы и что этот укрепленный противотанковый район следует обойти и дать бой противнику там, где ему будет невыгодно. Однако что-то в натуре противилось, не иначе голос большевика-удальца требовал стоять на своём и подчинять себе обстоятельства.

Как бы там ни было, а на исходе дня 6 июля, когда 18-я танковая под командованием генерал-майора Фёдора Ремизова брала город Сенно, а за Сенно по другой линии танкисты 5-го механизированного корпуса успешно вели бои в том же направлении — на Лепель, в штабах 14-й дивизии и присоединенных к ней подразделений получили приказ комкора Виноградова подготовиться к основному удару в упор, через реку Черногостица.

Полковой комиссар Василий Гуляев на тот момент находился в батальонах 27-го полка, которые заняли боевые позиции с южной стороны озера Липно. Его сопровождал командир полка майор Сергей Романовский. Они ещё не знали о намерениях комкора, но в одном из батальонов Романовского позвали к телефону:

— Товарищ майор, получен срочный приказ.

Романовский и Гуляев вместе вернулись в штаб полка. Там они узнали, что корпусу приказано форсированным маршем выступить к реке Черногостица.

— Эх! — смущенно вздохнул майор. — А ведь мы собирались завтра уже на этом направлении дать жару немцам.

— Жаль... Видно, немцам, которые против вас, повезло.

По дороге на наблюдательный пункт дивизии Гуляев столкнулся с командиром 1-го батальона Матвеем Старых, и тот укоризненно произнес:

— Почему это мы прыгаем с места на место? Разве так с немцем справишься? По-моему, если вцепился в него, не прыгай, а бей!

— Правильные мысли выражаешь, комбат...

Не прошло и часа, как Василий Гуляев вернулся в штаб своей дивизии. Но комдива Васильева пока не было — задерживался в 28-м танковом полку, и начштаба полковник Выжигин доложил комиссару Гуляеву новый приказ.

— Пойдём, товарищ полковой комиссар, но уже не на Черногостицу, а на Добрыгоры, Бешенковичи...

— Отлично!

Возвратился наконец в штаб и комдив Иван Васильев. Комиссар Гуляев в хорошем настроении, искренне начал объяснять ему суть задачи, поставленной перед ними.

Комдив досадно отмахнулся:

— Не стоит... Информация уже устарела. Тот приказ отменен. По дороге меня перехватил начштаба корпуса полковник Малинин и сказал, что нам приказано наступать на Черногостицу.

Комиссара взорвало.

— Что я слышу?.. Черт возьми! Семь пятниц на неделе! Похоже, что там не делают компетентных выводов из ситуации, а гадают на кофейной гуще, в какую сторону податься! Приказами поворачивают дивизию, как роту на строевых занятиях.

Комдив Васильев, не тратя времени, созвал на совещание ближайших своих помощников, заместителей, специалистов — все уши и глаза соединения. Недолго длился важный разговор. Все склонялись к тому, что нельзя наступать на Черногостицу — на столь укрепленный противником район над рекой — в невыгодных полевых условиях. Общий вывод: нужно либо найти время для инженерной подготовки рубежа, либо поменять направление удара.

Командир дивизии Васильев проинформировал комкора Виноградова о совещании и его результатах. Но тот с чисто большевистским упорством подтвердил свой приказ:

— На заре — в бой!

Из журнала боевых действий 14-й танковой дивизии:

7 июля — в 6.30 танковые батальоны вышли с исходных позиций в атаку.

Противник открыл сильный артиллерийский огонь из всех калибров по руслу реки Черногостица и переправам, нанося серьезные потери нашим танкам. В это время на все позиции, занятые корпусом, налетели пикирующие бомбардировщики и истребители противника, которые последовательно волнами бомбили танки и пехоту 14-го мотострелкового полка.

К 17.00 уцелевшие танки и пехота вернулись на свои исходные рубежи.

При этом потеряно 70 танков и более 200 человек убитыми и ранеными. Убиты: зам. начальника отдела политической пропаганды старший батальонный комиссар Федосеев, командир 27-го танкового

полка майор Романовский, командир батальона тяжелых танков капитан Старых, командир батальона танков Т-34 майор Гришин, комиссар Шинкаренко... Всего людские потери составили 30 процентов личного состава. Комдив полковник Васильев был ранен осколками в руку и лицо, но остался в строю.

* * *

Командир танкового корпуса Виноградов за этот день осунулся и вообще стал похож на утопленника, извлеченного из Черногостицы. Он чувствовал ответственность за все, что произошло на этом плацдарме, перерытом снарядами и бомбами, на этой реке, которая в своём названии уже носила что-то роковое, губительное. По крайней мере, ему теперь так казалось. Чего доброго, на Черногостице может быть похоронено доверие к нему, его командирскому опыту, умению и таланту — все, весь авторитет генеральский... Непоправимый урон! За два-три дня, когда войска вышли на огневые позиции, не достигнуто никакого успеха: под снарядами и бомбами половина корпуса полегла в землю. Скажут, не выдержал ты, голубь сизокрылый, экзамена. Уже при одной этой мысли ему становилось страшно — могут ведь и расстрелять.

Генерал не покидал свой пост на НП и пристально следил за высоким ненавистным берегом. Там после боя горели деревни. И хотя не было необходимости, он держал начеку командиров подразделений. Ему казалось, что сейчас начнется новый бой, только уже в наступление перейдут немцы, и тогда размолотят его корпус до основания. Генерала удивляло, почему немцы не используют такой шанс. Наконец, найдя в себе силы действовать, он отдал приказ корпусу: с вечера и всю ночь готовить позиции для обороны, копать и копать, делать блиндажи, разветвлённые траншеи... Одновременно, боясь не выдержать под Черногостицей возможного безумного наката врага и готовясь к отступлению, Виноградов отдал приказ командующему 18-й танковой дивизией генерал-майору Ремизову отвести свои войска от Сенно назад, за Оболянку, в район Богушевска, и ждать там следующего приказа из штаба корпуса. О 5-м же корпусе Алексеенко и его правом фланге генерал позабыл.

Но и 8 июля противник не ринулся в наступление с высокого берега — у него не хватало пехоты, о чем Виноградов не знал. А перед генералом танковых войск Шмидтом, командующим 39-м корпусом, стояла

задача захватить Витебск. Несмотря на это, вражеская авиация всё ещё пикировала на позиции 7-го корпуса, на танки КВ, на гаубично-артиллерийский полк (ГАП), но...

Для знакомства с оперативной обстановкой, настроением бойцов и командиров в расположение корпуса приехал заместитель командующего войсками Западного фронта генерал-майор Борзиков. И чтобы хоть немного оправдаться перед начальством, комкор Виноградов рассказывал об исключительно тяжелых боях на Черногостице, о вынужденных потерях. Сейчас он уже отдал корпусу тот запоздалый приказ: выступить двумя колоннами на рубеж Тепляки — Савиничи, другими словами — под Сенно, где его войска были 6 июля и откуда ушли. Тот рубеж по торопливому приказу комкора оставила также и 18-я танковая дивизия Ремизова. Однако теперь, желая показать себя в лучшем свете перед Борзиковым, комкор Виноградов отправил в деревню Хоменки делегата связи с приказом остановить отступление 18-й дивизии. Поздно!.. В Хоменках от неё уже и след простыл.

Тем временем генерал-майор Борзиков, учитывая налеты и сильные бомбежки вражеской авиации на позиции корпуса, предложил Виноградову отложить на полдня передислоцирование на новые огневые позиции.

Отложили... Сдвинулись в полдень. Но ситуация не поменялась. За передвижением войск то и дело пристально следила вражеская «рама». Инициатива по-прежнему была в руках немцев.

При штабе остались резерв командира корпуса и батальоны прикрытия. Впрочем, и они готовились к передислокации. Вот за этими организационными важными хлопотами под грохот отдаленных боев (за Витебск) и разрывами бомб на позициях ГАП и застал комкора Виноградова и начальника штаба Малинина капитан Калиниченко. Рядом с ними в блиндаже сидел ещё один человек — полковой комиссар Гуляев, которого комдив 14-й дивизии оставил здесь вместе с подразделениями прикрытия.

Комкор распорядился пригласить гостя, и тот не заставил себя долго ждать.

— С вашего разрешения, капитан Калиниченко! — доложил делегат связи и подал пакет.

Калиниченко — свежий человек — обратил внимание на напряженность, которая особенно была заметна на лице генерала, сидящего у карты, а над картой с толстым цветным карандашом в руке стоял начштаба

Малинин. И если на открытом квадратном лице Малинина, с вскинутыми бровями, читался вопрос и угадывалась постоянная штабная готовность к различным услугам, то лицо комкора Виноградова было строгим и удрученно-печальным. Черные брови сдвинуты в один шнурок, озадаченные складки на лбу, а глаза... Глаза отсутствующие... Все говорило о злой участи, которая постигла генерала, о несчастье... Он, пожалуй, и не понял, кто этот капитан с депешей, откуда он, и, только когда начштаба, взяв пакет, надорвал его и подал письмо, Виноградов осознал, что кроме 7-го существует ещё и 5-й мехкорпус... Поняв это, он ожил, он практически вернулся откуда-то опять в этот блиндаж.

— Товарищ капитан, это правда, что ваш корпус продвинулся с боями вперед с исходных позиций аж на сорок километров?

— Так точно, товарищ генерал-майор! Корпус прошел с боями сорок километров. Примерно столько же осталось до Лепеля. Наш комкор Алексеенко обеспокоен отсутствием информации и поддержки с вашей стороны, в результате чего противник вышел из-под Сенно и давит на наш фланг. Полки ведут ожесточенные бои.

— Докладывайте короче, капитан. От жестоких боев и нам нет передышки. Когда вы покинули штаб?

— В семнадцать часов с четвертью.

— Тогда слушайте. Сегодня до вашего отъезда из штаба 5-го корпуса, а точнее, в четырнадцать ноль-ноль, 14-я танковая дивизия начала передислокацию под Сенно, чтобы вместе с 18-й танковой сделать прорыв на запад, в лепельском направлении. Туда делегирован офицер связи для координации действий.

— Товарищ генерал-майор, позвольте несколько слов. Ваша 18-я танковая уже отступила. Примерно на двадцать километров. Отбиваясь от врага, она частично переправилась через Оболянку, около Богушевска.

Сообщение оставило тяжелое впечатление, оно как будто оглушило присутствующих, хотя не исключено, что сам генерал и начштаба Малинин знали об этом.

— Мы её вернем, — нерешительно и неубедительно произнес комкор и добавил: — Вы свободны, товарищ капитан!

Полковой комиссар Гуляев, который сидел напротив своего генерала, смущенно крикнул. В тусклом мигающем освещении он одновременно походил и на призрак, и на живого человека, впрочем, внешне он был какой-то противоположностью комкору.

— Товарищ генерал-майор, — сказал в заключение разговора капитан Калиниченко, — спасибо вам за информацию. Но позвольте спросить, ждате ли мне письменного ответа?

— Нет! — отреагировал генерал. — Нет на это времени. Вот видите, — он кивнул на стол, накрытый сверху картой, — ищем, куда и какими несуществующими ныне путями передислоцировать штаб корпуса. Ситуация ежеминутно меняется.

— А я советую капитану Калиниченко, — подал голос Гуляев, — напротив ночи не пускаться обратно в дорогу. Во-первых, можно попасть не туда, куда следует, во-вторых, нарваться на мину.

— Вы согласны переночевать в нашем расположении? — спросил гостя начштаба Малинин.

— Экипаж с благодарностью примет ваше предложение!

— Комиссар, — обратился Виноградов к Гуляеву, — тебе поручение: разместить и накормить делегатов связи 5-го корпуса. И ещё. Пока солнце совсем не зашло, проведи их на НП и покажи поле нашего героического сражения.

Сергей Калиниченко, когда они с полковым комиссаром вышли из блиндажа, понял, что на связь между генералами надеяться не приходится, да и радиостанцию у них разбомбили, — попросил несколько минут, чтобы по рации передать в штаб своего корпуса очередную и, пожалуй, самую важную информацию: в направлении Сенно вышла 14-я танковая 7-го корпуса. Правда, он понимал, что это уже не повлияет на ход боевых действий и что контрудар провален.

Когда же они с Гуляевым и делегатами связи 5-го корпуса поднялись на НП и оттуда в косых лучах солнца открылось поле боя, танкисты ужаснулись. Казалось, не осталось покрытой травой земли — здесь все было вытоптано гусеницами, вспахано снарядами и бомбами, изрешечено осколками, и главное — подбитые, сожжённые, омертвевшие танки, они всё ещё дымились; изредка орудия были задраны хоботом вверх, может, для того, чтобы привлечь внимание всего мыслящего мира к этой человеческой трагедии. Окровавленные берега.

Давящий комок подступил к горлу капитана Калиниченко, и, наблюдая за полем боя, он не мог себе представить, какой может быть расплата врагу за все содеянное, в его душе по-новому зашевелилась ненависть к захватчикам.

— Невыгодный рубеж, — проговорил старшина Кривель, который стоял на НП рядом с ними.

— Отчаянный рубеж! Сколько отваги и мужества нужно иметь, чтобы пойти на таран укрепленного противотанкового района, — подтвердил комиссар Гуляев.

Он импонировал гостям — делегатам связи — своей внешностью: причесанные вверх вихрастые волосы, чистый, в меру выпуклый лоб, чуть оттопыренные уши. О характере комиссара ещё больше говорили проникновенный и искренний взгляд, мягкие линии подбородка, полные, едва ли не девичьи губы... Петлицы его гимнастёрки украшали по четыре шпалы.

— Не вина бойцов, что не раскололи вражеский орешек, — снова начал объяснять события свидетель-участник танковой битвы. — Они героически сражались и сложили свои головы. Но необходимо сказать и то, что неудачно была использована боевая техника, не уступающая по своей силе немецкой: ей невозможно было развернуться.

Сергей Калиниченко почувствовал, что полковой комиссар чего-то недоговаривает, подумал о тактике различных боев и, когда они остались с комиссаром одни, сказал:

— Я знаю, когда наступает пехота, а впереди вал, из-за которого её поливают пулемётным огнем, этот вал стараются обойти.

— О-о, — не мог избежать щекотливого разговора Гуляев. — Перед нами на том высоком берегу — десятки дотов, даже не дотов, а противотанковых орудий и танков, посаженных в землю. Своеобразная Линия Маннергейма. Около сотни советских танков двинулись в атаку. Переправились две машины, ведут огонь по фашистам почти в упор. Вот зацепилась гусеницами за берег третья. Но прямое попадание то ли вражеского снаряда, то ли бомбы опрокинуло ее с крутого берега в реку. Это вызвало некоторое замешательство среди тех, кто шел сзади. На переправе — пробка. А авиация противника прямо неистовствует... Машины опять полезли на кручу. И снова начали опрокидываться. Я навел перископ на левую переправу. Там такая же картина.

— И что? — к ним снова подошел старшина Кривель. — Повторяется ситуация советско-финской войны?

В ответ полковой комиссар только руками развел.

— Самая страшная обида для танкистов этих сожженных машин КВ и Т-34, — сказал убежденно и взволнованно капитан Калиниченко, — то, что их не вывели на оперативный простор, и вы это видите.

— Дорогой капитан, — комиссар Гуляев взял Калиниченко под локоть, — советую вам, если останемся живы, не высказывать подобных мыслей среди своих подчиненных или просто на людях.

Капитан смущённо улыбнулся:

— Спасибо за совет, товарищ комиссар, учту...

Ночевали в траншеях. На следующий день Сергей Калиниченко узнал, что 14-я дивизия полковника Васильева при подходе к Теплякам в районе Сенно столкнулась с вражескими заставами — не смогла их пробить. Соединению грозило окружение, и командование сочло за лучшее отвести войска туда же, куда отошла 18-я танковая, за Оболянку и далее — под Лиозно.

А днём 9 июля Калиниченко порадовала скупая весть, поступившая из 5-го корпуса: вблизи деревни Цотово удалось встречным боем вывести 17-й мотострелковый полк из окружения. Далее в угрожающей фронтовой ситуации, когда противник, нажимая на открытый правый фланг, начал отрезать тыловое обеспечение, 5-й мехкорпус вынужден был тоже начать отступать. В нем, кстати, оставалась всего одна треть от личного состава, с которым корпус начинал наступление. Капитану Калиниченко было приказано держаться пока в подразделениях 7-го корпуса и постепенно выходить за Оршу.

Комиссар Гуляев и тут не забыл о гостях. Посоветовавшись с начальста Малининым, он предложил Калиниченко отходить на восток вместе с 14-м гаубично-артиллерийским полком, исполняя при нем одновременно и задачу, которая ставилась перед группой броневигов: защищать на путях отступления ГАП и особенно батарею старшего лейтенанта Джугашвили.

— Мы волнуемся за Джугашвили, чтобы не попал в лапы врагов, — сообщил Гуляев. — В седьмом корпусе почти каждый солдат знает, что с нами сын Сталина, и это многих вдохновляло. Но есть и такие, что при случае выдадут. Либо сами сведут счеты — из-за равнодушия к разноречивой славе его отца.

— Да, я вас прекрасно понимаю, товарищ полковой комиссар.

— Между нами, девочками... С Джугашвили на фронте непростая ситуация.

— Понимаю...

— Якову любезно предложили сесть в машину начальника особого отдела дивизии, чтобы быть в большей безопасности. Но он от этого знака уважения гордо отказался — предпочел остаться вместе со своими бойцами.

* * *

...Шелестел и шелестел тихо, умиротворённо вековой лес. И достаточно уже было лёгкого дуновения ветерка, чтобы стали переговариваться вершины деревьев. После дневных громоханий и гула, скрежета всего милее солдату слушать тишину, что вместе с тьмой к земле припадала. Лесной невнятный шум и укрытая тьмой тишина перекликались с вечностью, а вечность — с ними в первозданный этот момент, свидетелями которого были бойцы, и Сергей Калиниченко, и Яков Джугашвили, прилёгшие рядом на расстеленную плащ-палатку.

Прошёл ещё день. Дни и ночи сливались в единую фронтовую полосу, громовую и длинную. Три дня назад под бомбовыми ударами 14-й гаубично-артиллерийский полк покинул треклятый черногостицкий плацдарм и взял направление на юг — вдоль гирлянды озер, потом — на восток и через Макшаны, Бабиновичи направился под Лиозно. Когда же 10 июля пересекали шоссе Орша — Витебск, которое все ещё держала 153-я стрелковая дивизия, переименованная за стойкость и мужество в 3-ю гвардейскую, узнали: Витебск уже захвачен врагом.

13 июля 14-й гаубично-артиллерийский полк, базируясь в районе Лиозно, получил приказ от командующего 19-й армией Конева, вершившего дела на этом участке фронта, — выступить на Витебск вместе с 14-м мотострелковым полком и другими подразделениями красноармейцев. Им ставилась задача выбить противника из города. Ни больше, ни меньше, но, как водится, прекрасными намерениями устлана дорога в ад.

Бой завязался на подступах к поселку Вороны, за 10 километров от Витебска. И, как назло, танково-минометная застава противника, которую поддерживала авиация, была настолько сильна, что прорвать ее не было сил. К ночи 14-й мотострелковый полк отошел, а с ним вместе, надо полагать, и 14-й ГАП, на боевом счету которого под Вороны была одна уничтоженная вражеская батарея и двенадцать разбитых или поврежденных танков. Отошли они примерно на три километра по Лиозненскому шоссе и остановились неподалеку от деревни Новоротье. У них было намерение немного передохнуть и ночью снова обрушиться на Вороны. Но получилось иначе: немцы продвинулись танковым клином дальше на восток, беря в обхват группировку советских войск под Лиозно. 14-й мотострелковый полк и два дивизиона ГАП-14 были отрезаны от своих основных сил и, похоже, вели круговую оборону. Другие подразделения на этом плацдарме немцы тоже взяли в обхват.

Бой кипел, со скрежетом обрушивалось небо от вражеских пикировщиков, разрывов бомб и снарядов. Все перемешалось, и комбат Джугашвили, возвращаясь из штаба полка, в огненной каше потерял из поля зрения свою батарею. К статному старшему лейтенанту-грузину обратилась группа бойцов с пулеметом, связками гранат и другим оружием.

— Товарищ командир, что нам делать? Командуй нами! — стараясь быть услышанными в грохоте боя, кричали они.

— За мной! — преодолевая растерянность, воскликнул командир, и бойцы с криком «ура!» бросились за ним. Уже через две сотни метров их встретили огнем четыре пулемета противника. Засвистели пули, и одна из них чиркнула мимо уха Джугашвили, он упал. Бойцы залегли, открыли ответный огонь, пока полковая артиллерия не подавила пулеметные расчеты. Снова поднялись в атаку, и тут из-за холма выползли вражеские танки. Тактической маневренности немецких механизированных армاد можно было только позавидовать. Один из танков двинулся просто сюда и был взорван бойцом из подразделения Якова Джугашвили.

Однако прорыв группы из окружения не имел развития, и, чтобы не быть уничтоженными, бойцы вынуждены были отползти в заросли ивняка.

В тех же боях, ещё до окружения, почти прямым попаданием бомбы в бронемашину с делегатами связи БА-10 её опрокинуло и изуродовало, охватило пламенем. Экипаж успел выскочить. Правда, старшину Кривеля и стрелка-радиста Симакова вскоре забрали в медсанбат, а механик Гаркуша пересел на пушечный тягач, на котором ранило водителя. Большая часть бойцов-артиллеристов, утратив свои орудия, разбитые или взорванные ими же, когда кончались снаряды, отступала пешком. В числе этих неудачников оказался и капитан Калиниченко.

Шоссе прошивало пулеметным огнем, щебень взрывами вскидывало вверх... Фронттовую погоду делали «юнкерсы» и «мессершмитты».

Держаться на дороге было делом гибельным, и различные группы бойцов, с командирами и без них, искали прикрытия и спасения в лесу.

Капитан Калиниченко, чувствуя после контузии оцепенение и лёгкий озноб, вдруг увидел перед собой довольно приметную фигуру грузина Джугашвили, обрадовался и попытался улыбнуться, но сделать это было трудно, тогда он протянул ему руку:

— Капитан Калиниченко. А вас, комбат, я знаю.

— Да, я Джугашвили.

— Будем вместе пробиваться к своим.

Их собралось двадцать пять человек — кто из пехоты, кто из артиллерии, не было только бойцов 6-й батареи, которой командовал Яков Джугашвили, и из-за этого он чувствовал себя скверно. В глазах стояла глубокая грусть вместе с беспокойством.

Они держались около шоссе, пока окончательно не убедились, что эта дорога в руках немцев, — тогда углубились в лес.

Проходили вторые сутки, а они всё ещё блуждали по лесу. На поляне сделали очередной привал. Измученные длительными боями и оглушённые бабаханьем орудий, истощённые фронтовой бессонницей, которая становилась вроде хронической болезни, бойцы вытаскивали из вещмешков небогатые припасы, перекусывали на скорую руку и, как мёртвые, падали на покрытую травой землю.

Капитан Калиниченко достал из полевой сумки и подал к общему с комбатом столу пару сухарей и к ним заветную плитку меда, который оставлял «на удачу» в контраступлении. Сухарь с мёдом — деликатес, особенно если у тебя сосёт под ложечкой.

— А знаешь, товарищ комбат...

— Обращайся ко мне проще — Яков, — предложил он Калиниченко. — Так меня мама назвала. Так я и перед Богом в судный день предстану.

— Хорошо, товарищ Яков, — улыбнулся Сергей, глядя на молодое, но утомлённое, изведённое душевными переживаниями лицо. У него, наверное, было больше от матери, так как мало в чём проявлялось сходство с отцом, который был наделён изучающим рысьим взглядом. — Так о чём я хотел сказать? Ага, вот этот мед с моей родной земли, а она под Брестом. Когда я покидал дом, мёд мне дал с собой один усердный и мудрый крестьянин Петр Романович. Смешно сказать, я носил его как оберег. Сейчас мне приятно поделиться мёдом с тобою, не избалованным, вижу, принципиальным и преданным солдатскому долгу командиром.

— Что я скажу, генацвале, не надо меня хвалить!

— Извини... Мне комиссар Гуляев рассказывал о тебе. В первом же бою за Черногостицу твоя батарея разбила батарею 105-миллиметровых пушек на том вражьем берегу и ещё перемолотила немало чего.

— Дорогой, а что было делать? Да и то: мы причинили вред гитлеровцам, ладно, а каков результат?

Как истинные товарищи, они, то сидя на плащ-палатке, то стоя друг перед другом на коленях, ели тушенку, сухари с мёдом и вели проникновенный разговор.

— Результат? — переспросил Калиниченко и, подумав, произнес как не своими устами, пересказывая то, что слышал от высших чинов: — Наши дивизии показали высокий наступательный дух и отвлекли на себя силы противника.

— Дух? Это категория нравственная?

— Категория духовного и нравственного состояния.

— Тогда всё это было брошено в огонь, как ветки вон той сосны. Сгорели! Без результата... В пятом и седьмом корпусах разом было около двух тысяч танков. Сила! Боюсь, от них остались одни ошмётки. Ушёл восвояси штаб седьмого корпуса. Прекратилось мало-мальское управление войсками, да его и не было. Так что наделённые отвагою и мужеством десятки тысяч солдат и офицеров полегли за считанные дни в землю. Таков результат лепельской операции, по крайней мере для Виноградова.

Джугашвили посмел назвать страшные цифры, и у капитана Калиниченко язык не поворачивался их оспаривать.

— Я, если честно, о цифрах потерь не думал. Страшно думать об этом.

— А оно само собой фиксируется, откладывается тут, — Яков ткнул рукой себе в грудь. — Меня мучает мысль: кто навредил армии, ориентируя её на бои не на своей земле? Почему я, например, и другие командиры батарей должны были вести огонь, не имея карт?

— Вопрос...

— Сергей, послушай! Я больше хотел сказать, да некому. По моим наблюдениям командиры бригад, дивизий, корпусов не способны решать оперативные задачи. Штабы теряют связь со своими войсками и друг с другом. В результате солдаты паникуют и бегут прочь.

Калиниченко это задело.

— Яков, позволь возразить: не все, кто в высшем руководстве, неучи. Генерал Алексеенко, например, другого кроя командующий. Я даже удивляюсь, как он остался в живых до последнего времени.

— Согласен. Однако скажу, капитан: уничтожение командного состава сегодня нас и губит. Мы опаздываем со своей оперативностью и не используем чрезвычайно выгодное для нас боевое положение, даже если оно есть.

...Перед тем как заснуть, Сергей Калиниченко спросил:

— Яков, скажи честно, как, имея такого отца, ты мог попасть в самое пекло?

— Э-э, дорогой мой, сейчас по всей земле — ад, только не все в аду горят.

— И всё же ...

— Отвечу на твой вопрос. У меня есть младший брат Василий, мы с ним разные по характеру. К тому же он и Светлана рыжеватые. Они от другой матери... Так вот Василий с отцом и опираясь на отца стремится к успеху, а я люблю быть самим собой. Иногда даже отметаю мысли о родстве со Сталиным. Трижды я женился, и — то слишком рано, то не с той. Отцу это не нравилось. Может, я перед ним и виноват?.. А ещё в компартию не хотел вступать. Из-за пустозвонства, которое там слышал. Вообще я боялся партии, я не понимал её. Одно время жил в Ленинграде, работал просто электриком. От людей многое знал. Теперь думаю: никакими лозунгами социализма нельзя оправдать уничтожение людей, тех же кронштадтских матросов, питерских рабочих, тамбовских крестьян. Безумие началось ещё при Ленине. Я стеснялся смотреть отцу в глаза. Вот видишь, какой я неудачник. И маму мне Бог не дал. Когда я родился, она умерла от тифа.

Он немного помолчал и потом опять продолжил:

— Дней за пять до войны я позвонил ему. Я просто спросил: «Мамб — по-нашему это отец, — будет ли война?» Что он мне ответил?.. «Вражеская контрразведка со всех сторон атакует нас слухами, что вот-вот Германия развяжет войну. Отовсюду, даже из враждебной нам Японии, провокаторы доносят об этом. Показывают нам пальцем на Гитлера. Испытывают наши нервы. Нагло пытаются сорвать мирный договор с Германией. И до чего дошло? Называют уже дату, когда Германия обрушится на Советский Союз. Не-ет, цемо пицы, нет, мой сынок, — говорит, — Сталин не из таких, чтобы поставить на уши армию и преждевременно подстегнуть Германию к мобилизации. У твоего отца, Яша, крепкие нервы и есть выдержка. Война, сын, будет тогда, когда мы захотим. Если ее захочет товарищ Сталин! Она, пицы, будет не на наших просторах. Кстати, всех провокаторов, пытающихся поиграть на наших нервах, я отдал приказ расстреливать, с чьей бы стороны они ни были».

— Вот и всё, уважаемый капитан Сергей, — закончил Яков Джугашвили. — Ничего нового. Об этом мы и раньше из газет знали. Скажу одно: мой отец для меня — тоже загадка. Ве-ли-ка-я загадка!

После этих слов приятели затихли и уснули.

Проснулся капитан Калиниченко на рассвете от пения первых петухов. Открыл глаза и, хотя было ощущение того, что он выспался, отдохнул и душа вернулась в свои берега, не сразу понял, где он находится. Через редкие пробелы в верхушках деревьев виднелись звёзды, сплывала ночь, а рядом ровно дышал товарищ. И Калиниченко повернул к нему голову и вдруг вспомнил, кто это, и вспомнил всё, что было с ними в последние дни на шоссе Витебск — Лиозно.

Старший лейтенант Джугашвили уже тоже не спал.

— Потихоньку светает, — сказал он. — Сегодня меня ещё больше тревожит положение, в котором мы оказались. Со всех сторон мы отрезаны от своих. Пойти бы нам дальше от Витебска. Но я слышал в штабе полка, что фронт покатился уже за Оршу. Не придётся ли нам как-то разбраться?.. Трудно принять решение.

— Нам, Яков, важно иметь в запасе второй вариант на случай, если выяснится окончательно, что мы в мешке.

— Пойти по деревням? А люди настроенные. Примут ли? Нет... — Он запнулся и покачал головой. — Знаешь, капитан, тебя может удивить мое открытие. Только в деревнях, особенно там, где стоял наш гаубичный полк — под Островно, — не все люди нам рады. А были и такие, кто просто исподлобья смотрел да иронизировал: «Защитники! Такую вашу мать». Я не склонен думать, что нас примут.

— Ты это серьёзно, Яков? Впрочем, мне вспоминается пчеловод из моего местечка. Он правду говорил: теперь всё перепуталось, свой своего не узнает. Перепутались сами обязанности. В дни, когда началась война, его семью собирались вывезти в Сибирь. Вместе с тысячами и тысячами других из Западной Беларуси. Представляешь их настроение?.. Ещё раньше, в 1939 году, люди очень натерпелись! Красные не успели войти в Мотоль, а местная банда уже тут как тут! Вместе с недоученным бесом Даником, считавшим себя самым верным коммунистом, замучили несколько десятков своих же людей. Что-то напоминало гражданскую войну. Думаю, и здесь люди хватили горя.

— Сергей, дорогой, я жил на родной земле и настроение угнетенных крестьян понимаю. Однако вопрос стоит ребром: что делать будем?

— Давай, комбат, так договоримся. Пусть солдаты ещё с часик поспят. За это время я схожу в деревню, откуда слышалось пение петухов. Я белорус, и мне проще говорить со своими людьми. Если там нет

немцев, постараюсь узнать, где мы и что нам угрожает. С учётом дополнительной информации и примем решение.

— Логично, капитан! Крутой момент, он требует решимости, которой, если честно, мне не хватает. — Яков обнял капитана за плечи и негромко добавил: — Иди, желаю успеха!

— Спасибо, брат.

Тревога на сердце. Впрочем, ей в те дни не было ни конца, ни края. А тут ступил капитан несколько шагов, и что-то новое и непредвиденное стало снедать его сердце.

Перед Сергеем все ещё стояли тёмные доверчивые и внимательные глаза человека, познавшего, что есть товарищество, отвага...

Но что-то — помимо путешествия в деревню — тревожило Калиниченко. Капитан не мог понять что. Обернулся. Невдалеке, в кустах, — часовой. Все чин чинном. И Джугашвили, подняв руку, по-братски улыбнулся. С этой ночи Сергей Калиниченко начал понимать, что между ним и Джугашвили много общего. А что? Подумалось: несмотря на совершенно иные условия детства, Яков подростком был как раз таким же беспризорником, как и он. Это казалось странным, а с другой стороны — тешило душу родством.

Он подходил к деревне Лески. Деревня постепенно просыпалась и возвращалась к заботам о хлебе насущном. У неё была всего одна улочка. Калиниченко, не чувствуя опасности, зашёл в первый двор. Из дома вышел человек в отпояках на босу ногу. По возрасту он мог быть капитану отцом. На приветствие незваного гостя только кивнул головой. Калиниченко спросил, есть ли в деревне чужинцы.

— Нет, наше сельцо пока Бога ничем не прогневало. Но немцы близко, я слышал, уже ездят на мотоциклах по тракту Витебск — Орша. Наведались они вчера в Копти, на железнодорожную станцию. А с другой стороны...

Мужик ещё раз внимательно посмотрел на капитана в комбинезоне танкиста, на кобуру с револьвером на поясе, потом перевёл взгляд на жену, прошедшую с ведром в хлев, и спросил:

— Офицер, вижу, а почему один?

— Простите, уважаемый, вы недоговорили. Что же «с другой стороны»?

— Сосед говорил: немцы заняли и Хотемлю. Это за нашим лесом. Поэтому я и удивляюсь, откуда вы явились?

— Я вышел из леса. Хочу быть уверенным в поддержке людей. Где-то там меня ждут. Теперь, когда кругом немцы, некоторым из нас в срочном порядке необходимо переодеться в штатское. А ещё, возможно, кого-то из бойцов укрыли бы в вашей деревне. Что вы думаете по этому поводу? Наша армия и советская власть вскоре вернутся.

— Говорите о власти, шановный. Советы — это хорошо. Только ведь если бесхлебицу, бесчинства и издевательства принимать за подарок советской власти, то простите старого дурака.

Калиниченко смотрел на рябое простодушное лицо крестьянина обеспокоенно и, пожалуй, растерянно, а тот продолжал:

— Бойцов, правда, не в чем упрекнуть. У меня у самого два сына, как и вы, в армии. Душа болит, сами знаете. Кто же откажет вам в помощи?.. Я переговорю с людьми добрыми, а вы входите в дом, пожалуйста.

В этот момент со стороны леса раздался винтовочный выстрел. Возможно, выстрелил боец, который стоял в карауле. И тут же посыпались автоматные очереди.

Сердце капитана Калиниченко ёкнуло, он побледнел и бросился вон со двора. Свернул в рощу за лугом. Оттуда начинался лясковский лес. Перестрелка сразу утихла, как и началась, а он не сбавлял ходу. Наконец, увидел ночную поляну, пустую, голую, и остановился перед ней как вкопанный. Сильно билось сердце, и было смертельно грустно.

На ровной земле лежала разостланная вчера плащ-палатка. Тенькали птицы. Около человеческого лежбища валялся отброшенный под куст револьвер, который, по-видимому, принадлежал Джугашвили. Поднял, повертел в руках — он был без патронов. Ещё какое-то время капитан кружил по поляне. В нескольких местах увидел отстреленные гильзы из немецких автоматов и следы крови. Однако ни раненых, ни убитых. Никого! Эх, Яков, Яков, в каков чертов омут затянуло тебя!

Во всем, что случилось, уже не было большой загадки. Люди гибнут, а фашисты валом валят на Витебск, Смоленск, на Москву... Чувствуя, как сжимается сердце, капитан Калиниченко упал под большим вязом. Это дерево, и другие деревья, и даже стебли травы — все качалось и кружилось перед ним, двоясь, расплываясь. И не было больше ничего-ничего. Жизнь теряла свой смысл...

Перевод с белорусского Натальи Скобелевой